

Последние дни летних каникул пахли тяжело и едко. Пахла краской. Приближался новый учебный год, которого трепетно ждали дети и педагоги... какой-нибудь идеальной школы.

Нашей СОШ недавно «стукнуло» восемьдесят. Она устояла в войну, учила детишек в лихие девяностые. В её стенах успело состариться и уйти на пенсию несколько поколений учителей, давние выпускники приводили своих детей, те – своих. Мне иногда казалось, что школа может простоять ещё лет сто. Но время беспощадно. Как любой пожилой организм, здание изнашивается морально и физически. Тёмно-серое, мраморное фойе с его тусклым освещением больше походило на подвал. Бог знает когда обновляли мебель в кабинетах, а в век высоких технологий для преподнесения знаний приходилось довольствоваться мелом и доской. Как в старину.

Каждый август на работе лихорадочно готовились к предстоящему дню знаний. В затоптанных коридорах валялись порошковые жестяные банки в зелёных, коричневых и голубых подтёках. По углам были расставлены канистры с растворителем, чтобы экономно расходовать казённую краску. Под ногами путались кем-то брошенные комки из полиэтиленовой плёнки и прочий строительный мусор. Проходы загромождены партами и стульями, солнце грустно светило сквозь пыльные окна. Проще говоря – накопилось до черта работы, и разгрести всё следовало за месяц.

По традиции ремонтом школы занимались молодые учителя, которые были в состоянии таскать парты и двигать шкафы, дышать краской и взбираться на высоченные козлы, чтобы побелить потолок. Кто, как не я, лучше всего подходила в эту категорию «избранных». Двадцатипятилетняя, полная энтузиазма дурочка без маленьких детей, проблем с сердцем и аллергии на ацетон. Для таких повёрнутых на школе учителей нет ничего лучше, чем с новыми силами приступить к любимой работе, принося пользу и благо.

Иных коллег совершенно не тянуло на рабочие подвиги. После продолжительного отпуска большинству педагогов сложно раскачаться и войти в колею. Приходили все сонные. Кому-то требовалось выпить чашку кофе или выкурить сигарету. Потом мы передевались в рабочую одежду, изгвазданную известью

и краской. В тот день нам поручили перекрасить стены на этаже. Из зелёного цвета в бежевый.

– Какая-то шляпа получается, – проворчал наш химик Денис Анатольевич.

Краска ложилась на стены тонким слоем, пропуская предыдущий цвет. Школа упорно не желала меняться.

– Кому это вообще в голову взбрело? – возмущалась Юленька, учительница начальных классов.

Руководству не нравился запущенный этаж, на ремонт которого вечно не хватало денег. Болотный цвет стен нагонял тоску, хотелось видеть вокруг себя тёплые и уютные тона.

– Вы как хотите, девчонки, а у меня уже зла не хватает. Я отойду ненадолго, нервы поправлю. Если меня спросят, прикроете?

– Да иди ты уже с глаз наших, – прошипела Юленька. Кто бы нас прикрыл.

То, что химик любит выпить, было известно всем. Денис Анатольевич наш главный заводила на всех коллективных посиделках. Однажды он попросил меня прибраться у него в лаборантской. В одном из шкафчиков, среди всевозможных пробирок и колб, я увидела припрятанную бутылку водки и гранёный стакан – ровесник школы.

– Нет, ты погляди, Тань. Опять под мухой!

– Да ладно тебе, Юлия Викторовна. Ты же не жена ему, чтоб возмущаться.

Каждый раз, когда Юленька оказывалась не в духе, мне хотелось называть её по имени-отчеству. Ей было тридцать. Симпатичная, высокая, но болезненно худая.

– А работать, Таня, кто будет? Мужиков в школе – три калеки: химик, физрук и завхоз. Скоро мебель в кабинеты затаскивать, я на своём горбу это всё не вытяну. И разве тебе это надо, девке молодой? С утра до вечера химией разной дышишь, а ведь ты ещё не рожала.

– Что с него взять, у человека зависимость, – ответила я, пожав плечами.

– У этого человека наглость.

Мы снова принялись за работу. Хотелось перекрыть нашу зелёную тоску свежими оттенками.

– Что ты там копаешься? – полюбопытствовала Юленька.

– Да вот, неаккуратно получилось. Надо тут подкрасить.

– Господи, да для кого ты убиваешься? Кто оценит твои старания? Эти наши «вундеркинды»? В первую же неделю всё изгадят и ломают.

– А разве комиссия не будет придираться? – спросила я, оправдываясь за свою скрупулёзность.

– Ой, этим только дай придраться! – Юленька энергично проводила валиком вверх-вниз. – Придут все из себя деловые и накрашенными пальчиками тыкают, где исправить. А как помочь, так «нет средств».

К вечеру банки с краской опустели, да и мы чувствовали себя опустошёнными. Переоделись в нормальную одежду и сидели в классе Юлии Викторовны. Сквозь открытое окно залетал в дышащий ацетоном кабинет прохладный ветерок.

– А у тебя уютно так. Свежо.

– Ещё бы. Сама здесь всё освежила. Родители сначала пришли, полы мне выкрасили до середины и всё. Дальше я одна. Даже денег на краску не дали. Блин, курить так хочется!

В кабинет вошёл Денис Анатольевич.

– Девчонки, будете пиво?

Химик достал из чёрного пакета полторашку светлого разливного.

Юлия Викторовна закрыла кабинет изнутри. Мы пили тёплое пиво, закусывая кислыми ранетками, привезёнными с дачи химика. Юленька уже не обижалась на него и спросила: «А почему бы нам не пойти куда-нибудь и не продолжить приятную беседу?»

– В кафе не вариант. Мы краской провоняли, – ответила я.

– Да какое кафе, у тебя что, денег много? – посмеялся химик. – Ты как первый год работаешь. Лето для учителей не сказка – отпускные рассосались, в августе гроши получаешь. Есть одна идея.

В ближайшем магазине мы купили по бутылке пива. Оставалось найти место, где получится выпить. Через дорогу располагалась поликлиника, а за углом от неё можно было спрятаться за разросшимися кустами. Мы направились туда, но, как назло, возле нашего места стояли и разговаривали двое молоденьких полицейских.

– Ребят, а вы здесь долго стоять будете? – спросила их Юленька. У неё никогда не наблюдался «синдром училки», и в обычной жизни она была не прочь показаться смешной и глупой.

– Долго, – улыбались ей в ответ полицейские.

– Сука, опять я не покурила, – сказала она тихо, когда мы отошли подальше.

– Видите, увязались за нами, – возмущался химик. Сейчас же строго стало: увидят, что пьёшь на улице, сразу в отделение. Беспредел!

Нашли укромное место за гаражами. Видели бы нас наши ученики – трое учителей пьют пиво из жестяных банок, скрываясь, как малолетки.

– Девчонки, прошу прощения, но мне надо отлучиться ненадолго... По важному делу, – засуетился химик.

– Иди вон в те кусты, – указала ему Юленька. – Только не спались, у меня в этом дворе ученица живёт.

Юленька тем временем достала из сумочки зажигалку и пачку сигарет. Она глубоко затягивалась, а потом с наслаждением выпускала из маленького рта длинную ленточку дыма. Видимо, ждала этого момента весь день.

– Я тут живу недалеко, могла бы вас к себе позвать, – сказала Юленька. – Но у меня сын маленький дома. Я его с соседкой оставляю, приплачиваю ей за это. Такая тётка неприятная, а куда деваться. Да и не хочу, чтобы сын видел. Он уже успел насмотреться на своего папашку-алкаша.

– Да ладно, ничего страшного, – поспешно отмахнулась я. – Можно было ко мне пойти, но, боюсь, мой парень нас не поймёт.

– У одного Дениски нашего ни хлопот, ни забот, – съязвила Юленька, когда к нам резво подбежал химик.

Идти домой по-прежнему никому не хотелось. Мы купили два литра тёмного и сухарики. Спрятались в кустах за парикмахерской «Гламур».

– Райончик у нас – прям Бродвей, – усмехнулся химик, разрывая найденную картонную коробку, чтобы не сидеть на грязном асфальте.

– А расскажите, как вы стали учителями, – заявила Юленька, и химик чуть не подавился выпивкой.

– А давайте! – бодро поддержала я. – Школьные годы мои складывались нелегко. Мало кто из девчонок хотел со мной общаться, а парни и вовсе не обращали на меня внимания. Ходила вечно в чёрном, слушала странную музыку. Мне легко давались гуманитарные науки, в особенности иностранный язык и литература. Могла читать с утра до вечера, как на русском, так и на английском. Когда закончила школу, сдала по этим предметам ЕГЭ. Потом возник вопрос о выборе профессии, куда пойти учиться. Кто-то из взрослых посоветовал поступать в педагогический. Тогда я решила: «Почему бы и нет?! Буду дальше изучать свой любимый английский и много читать. Красота. Тем более что учителей всегда и везде позарез как не хватает». Так и решила моя судьба. Только сейчас понимаю, какую ошибку совершила. На чтение остаётся всё меньше и меньше времени, а насчёт английского так вообще признаться стыдно, что я его забываю. Наивная душа,

представить не могла, что учителя на самом деле не учат, а таскают парты, красят стены и марают бумагу такому не нужными отчётами.

– А я бы никогда не подумала, что дети бывают отвратительными, – тут же подхватила Юленька. – У одной из моих учениц вечно сопли текут и, видимо, никто сморкаться её не научил. Однажды я поставила ей пять, так она с восторгом: «Юлия Викторовна!» – полезла обниматься. Не знаю, что бы вы ощутили, а у меня возникла брезгливость. Вечером проверяю тетрадки, так некоторые и в руки-то взять страшно – все грязные, замусоленные. Слышала про одну учительницу, которая подхватила чесотку, проверив такую тетрадь. Только не подумайте, что я родилась и выросла в тепличных условиях, – продолжала Юленька. – Мои родители жили бедно, отец забухал, когда его уволили, мать пахала на двух работах. Я сначала после девятого класса в шарагу пошла учиться, а потом работала продавцом, официанткой, даже санитаркой в больнице. Вот только мечта у меня была с самого детства – стать учителем. В пятом классе мне нравилась учительница по русскому, Елена Валерьевна. Мне она казалась идеалом. Я за ней хвостиком ходила, копировала каждый жест, помогала проверять тетрадки. А в девятом классе моему счастью не было предела, когда доверили провести урок на день самоуправления. И вот я уже взрослая, иду однажды утром по каким-то делам первого сентября и вижу нарядных детей с букетами. Можете мне не верить, но я чуть не разревелась. Правда, мне так хотелось работать в школе, что к тридцати годам заочно закончила пед. Дура.

– А у меня тоже в школе были увлечения, – начал свою исповедь химик. Его круглое лицо побагровело от выпитого, тёмные глаза заблестели. – Химия и музыка. Подростком сам научился играть на гитаре, а естественные науки так вообще больше жизни любил. Постоянно ставил какие-то эксперименты, опыты проводил. Родители от меня с ума сходили. Я ведь на городских олимпиадах призовые места занимал. А в институт не поступил – не прошёл собеседование по русскому. Потом я около года по городу шатался. Нашёл единомышленников, сколотили группу. Получалась толковая музыка. Выступали однажды в клубе на разогреве, подошёл к нам один чувак и говорит: «Здрасьте, я продюсер. Скажите, у вас есть музыкальное образование?» Мы: нет. «Тогда среди вас есть хотя бы один гей?» Мы: опять нет. Так и накрылась наша популярность. Потом меня в армию забрали, ещё два года жизни коту под

хвост. Ну а после дембеля вернулся я в родной город и поступил в пед. Там любовь свою встретил. Женился. Развёлся. Плачу алименты. Ладно... – химик встал и отряхнулся. – Пойду отолью.

– Тань, ты столько выпила, разве тебе не хочется в туалет? – любопытно посмотрела на меня Юлия Викторовна.

– Да нет, – ответила я.

– А я, пожалуй, тоже найду себе укромное место.

На самом деле мне очень хотелось в туалет, но, видимо, профессия влияет на характер. Годы в педагогике приучили меня держать все свои эмоции и потребности при себе. Вдруг тишину оборвал телефонный звонок.

– Ты где? – это звонил мой парень. По его интонации я поняла, что дома меня ожидает тёплая встреча.

– Саш, мы тут с коллегами засиделись... Нет, нет, встречать не нужно, я через час буду. Всё, давай. Пока.

Юленька и Денис Анатольевич уже возвращались, идя под руку.

– Давайте по домам, – предложила я устало.

Прогретое за день небо постепенно остывало. Из полупрозрачной молочной дымки оно перекрашивалось в тёмно-голубой с грустной зелёной примесью. Сквозь накопившуюся за день духоту пробиралась волнующая прохлада. Хотелось дышать полной грудью. Смаковать каждый вдох. Слово этот вечер был для нас каким-то особенным.

– Здесь ходят четвёрка и восьмёрка, – сказала Юленька, одной рукой обнимая химика, а другой указывая на трамвайную остановку.

– Хорошо, ребят.

– Ты только позвони, как доберёшься, – крикнула Юленька, скрываясь из вида.

Возле остановки рос огромный куст. Теперь можно было сделать своё тёмное дело. Задержись мы ещё на час, я бы лопнула.

К остановке подъезжал полусонный трамвай.

«Почему Юленька разочаровалась в своей мечте? – думала я, сидя в дребезжащем вагоне. – А ведь химик мог стать неплохим музыкантом или снова попытаться поступить в свой институт. Почему стали такими, какие есть, и кто в этом виноват? Мы сами».

Трамвай остановился возле школы. Я посмотрела пару секунд на её дремлющий фасад.

– Как же всё достало.